

• ТЕЛЕПЕРСОНА NON GRATA

Известия. 2001. 15 дек. - с. 9.

Другое время Невзорова

Юрий БОГОМОЛОВ

Он появился на программе «Другое время», где у него есть форточка. Проснувшись в нее, излагает свой взгляд на злобу дня, который затем комментируется Михаилом Леонтьевым — сочувственно и снисходительно. Они друзья, понимают друг друга с полуслова. Их полемика — это игра, тренаж и сплошное спарринг-партнерство.

...Мы его, Невзорова, уже успели подзабыть. Потому, видимо, надо напомнить читателям, кто он и чем был славен в недалеком прошлом.

Александра Невзорова следует считать одним из столпов характерного исключительно для России телевизионного жанра — «Авторские новости». Положил основание им он в программе «600 секунд». Продолжением стали «Дни» и «Дикое поле». Логическим итогом оказался художественный фильм «Чистилище». Сюжет его творческой биографии выглядит поступательно неуклонным.

В «Секундах» доминировала информация, зажатая в рамки короткого временного отрезка. Интрига только в том и состояла: успеет или не успеет ведущий поставить точку с последней секундой. Как правило, успевал. В этом было его авторство. Там же стажировку проходила и Светлана Сорокина, которой и сегодня не чужда идея субъективной информации.

Невзоров исчерпал интерес к чистому хроникерству столь же быстро, как и к демократическим ценностям. Его монархизм и авторитаризм вполне совпали с авторскими амбициями на поприще документального репортажа. Сначала для этого были приспособлены «Дни», а впоследствии «Дикое поле».

То, что делал Невзоров как репортер и документалист, не вполне было документализмом. Уже тогда стали пробиваться его беллетристические склонности. Снимал ли он премьер-министра, малолетнего преступника, террориста, захватившего в заложники новобранную, — всякий раз его камера интересова-

лась реальным героем постольку, поскольку...

Поскольку каждый из них способен и насколько каждый из них годе выразить его, Невзорова, чувства и представления. Вот наиболее выразительный пример. В «Диком поле» у него есть новелла про мальчика Сенечку — одинокого волка. Паренек 12—14 лет непринужденно позирует и пока, как бы не замечая камеры, спешит по какому-то делу, закадровый голос репортера излагает: «Одинокий волк Сенечка — последний из представителей подлинной лигловской шпаны. В наследство от шпанствовавших поколений ему остались лишь скелетированные останки пивных ларьков, бесконечные ржавых матрасных пружин на помойках, на которых (на помойках?) — Ю.Б. когда-то лигловская шпана доказывала мужскую мощь карамельщикам с конфетной фабрики и на которых теперь тупо дремлют молодые, не знающие толком ни жизни, ни Лиговки помоечные коты». Витиеватый стиль текста с затейливыми завитушками типа «скелетированные останки пивных ларьков» выдает в авторе претензию на литературу. На литературу художественную.

И на художественный кинематограф в конечном счете.

Почти сразу стало заметно, что, снимая других, он как бы на себя примеривает их стиль, их образ поведения, функции и навязывает им свои комплексы и подспудные желания. Когда он был с омонимами на вильнюсской телебашне, был омонимом: фотографировался с «калашниковым» наперевес, любопытствовал, откуда постреливают. Когда общался с генералом под Грозным, был генералом: говорил на густом армейском жаргоне и, как большой стратег, склонялся над картой и, как храбрец, отмахивался от предупреждения об опасности.

Тот же мальчишка Сенечка по прозвищу «Дикий волк» — метафора его, Невзорова, судьбы. И разумеется, не столько собственной реальной судьбы, сколько им самим вымышленной роли.

С не меньшим энтузиазмом он пробовал себя на ролях злодеев. Оттого так часто и с таким смаком перебирал подробности очередного садистского преступления вместе с преступником: «Как ты воткнул нож? Со спины? Она кричала? А потом ты ее раздел и стал насилловать?».

Мысленно и на словах повторив подвиг насильника в порядке следственно-творческого эксперимента, репортер тут же перевоплощается в моралиста, громящего сложно-подчиненными сентенциями.

Он на экране и грешник, и исповедник, и проповедник, и все что угодно. То же самое можно было бы сказать и о его неиссякаемом интересе к политике. Кем он в свое время только не перебивал на российской политической сцене — и Макашовым, и Ручким, и Лукьяновым, и Шейным, и даже Черномырдинным... Он примерял на себя «трагический образ Ельцина, всеми преданного и обманутого», по выражению самого Александра Глебовича. Вся действительность для него — сплошное игровое поле. Он и автор, и его герой, и прототип последнего, и исполнитель этой и всех прочих ролей.

То, что он делал, было не вполне игровое кино (хотя бы и в форме неигрового, документального кино), а «игровая жизнь». Это когда ради красного словца, эффектного кадра, грандиозной метафоры не жалко самой жизни.

Тут уже сам бог велел ему снимать художественное кино. Бог велел, Березовский дал полмиллиона долларов, Невзоров снял фильм про первую чеченскую войну под названием «Чистилище».

Перед тем как ее дать в эфир, воспроизвели признание автора: «Мне вот в мире войны, как это ни странно звучит, уютно. Я привык. Я знаю кровь войны, я знаю прелесть чувства омерзения от этой войны. От любой войны вообще. Я знаю сладость чувства ненависти к войне...».

Сладость с ненавистью — любимый бутерброд Невзорова. И он не был бы самим собой, если бы поверх всей горы трупов (то

Александр Невзоров (справа) в компании Владимира Жириновского демонстрирует либеральные взгляды

бишь мусорной кучи муляжа), сочащихся кровью солдатиков (то есть жирно перемазанных алой гуашью статистов), поверх натуральной пыльной разрухи, дымящегося съёмочного реквизита, смачного мата-перемата и собственной профессиональной беспомощности не набросил бы «скелетированную» библейскую метафорику.

Солдаты — овцы. Полковник (позывной — «Сутроб») — их пасть. Чеченский командир — дьявол-искуситель...

Молодой танкист отказывается от часов «ролекс» (30 серебряных), предложенных ему чеченцами, и дает несколько сокрушительных залпов; потом его выволакивают из машины, долго бьют чем и куда попало... Потом распинают на кресте, вбивая в ладони ржавые скобы; изо рта ползет густая вожжа будто бы кровавой слюны. Потом следует снятие с креста, и лицо распятого проясняется улыбкой. Не ее ли в свое время имел в виду министр обороны Павел Грачев, сказав: «И мальчики умирали с улыбкой на устах...»?

Так Александр Глебович облегчил душу и удовлетворил самоллюбие, после чего почти нехотой избрался в Думу, где особой активностью не выделялся; был замечен на Чукотке в пиар-кампании олигарха Абрамовича. Еще отметился в черном пиаре СПС. Но это уже эпизоды. Казалось, что у него все в прошлом. Ветеран двух или трех информационных войн, Александр Невзоров, осознающий себя одиноким волком, вновь востребован, но уже не в качестве журналиста, репортера, информационного киллера. Он теперь эксперт, консультант, точно ветеран «Альфы».

Александр НЕВЗОРОВ: Друзей продают за большие деньги

Вернувшись в эфир Александру НЕВЗОРОВУ задали вопросы спецкор «Известий» Юлия КАНТОР.

— Вы соскучились по эфиру или вас привлекли материальные блага?

— Возможно, вы мне не поверите, но за выступления у Миши Леонтьева я не получаю ни копейки. Так что дело совсем в другом: я — информационный товар, то, что привлекает внимание. Миша предложил мне поучаствовать в новом проекте, который еще только формируется, и я, конечно, не отказался. Буду ли я участвовать только на первом этапе или постоянно, мне не важно. Важно, что привлекаю внимание, а с каким знаком — вопрос второй, для меня значения вовсе не имеющий... Кстати, именно я был инициатором появления Леонтьева на ОРТ. Я привел его на «первую кнопку». Он пропал на каком-то дремучем канале, а я, случайно увидев его, понял: это очень талантливый мальчик. И начал действовать.

— Пошли к Березовскому?

— Нет, не пошел, я просто Боре позвонил. Я человек широкий, к славе не ревную: у меня было столько славы, что я уже никому не буду завидовать. Потому Мишин успех меня только радовал. Мы вообще с ним очень похожи — по взгляду, по стилю.

— И по хамству в эфире.

— Да, и по хамству. Впрочем, это не хамство, а просто богатство палитры. Добавить в разговор яркую, необычную краску, найти в нем новый поворот, пусть даже выйдя за привычную грань, — та-

лант. Вот потому в программе «Другое время» мне интересно. Да и вообще я привык к ОРТ, мы ведь и с Эрнстом дружим. Дружба началась с передачи «Дни». Он тогда был резко против и сказал, что я могу выйти с ней в эфир, когда он уйдет. Он шел тогда «на эшафот». Но я решил «Дни» в эфир не выпускать. С тех пор мы дружим.

— Но «Дни» все-таки в эфире были — вы с Эрнстом договаривались?

— Нет, просто Березовский сам поставил их в сетку вещания, но было это уже позже... Я понимаю, что сейчас не 1998 или 1999 год: нынче Кремль пристально смотрит ТВ. Потому, когда обсуждалось «Другое время», меня спросили: если речь пойдет о принципиальных для меня вещах, я скажу то, что думаю, или то, что нужно? Я ответил: скажу то, что думаю. Ребята несколько приуныли, но когда я объяснил, что принципиальными для меня являются только вещи, касающиеся коневодства, им полетало. Мне удобно работать — сегодня время не заставляет целовать туфлю, и на том спасибо.

— Итак, вы работаете на ОРТ с Эрнстом и Леонтьевым бескорыстно. А если какой-нибудь другой канал попробует вас перекупить?

— Мне комфортно на ОРТ: мне легче кривить душой с друзьями. Так что другому каналу придется предложить мне очень большую сумму, чтобы я задумался о переходе. Друзей продают за большие деньги.

Санкт-Петербург